

КЕНТ
НЕРБЕРН
ДОРОГА
ОДИНОКОГО
ПСА

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

H54

Kent Nerburn

LONE DOG ROAD

Перевод с английского Наталии Флейшман

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

Нерберн К.

H54 Дорога Одинокого Пса : роман / Кент Нерберн ; [пер. с англ. Н. Флейшман]. — М. : Издательство АЗБУКА, КоЛибри Fiction, 2026. — 592 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-28690-0

Южная Дакота, засушливое лето 1950 года. По ночной прерии сквозь тьму мчится товарный поезд, в одном из вагонов которого прячутся два мальчика-лакота — Рубен и Леви. Они сбежали из дома и теперь скрываются от правительственного агента, который должен отвезти Рубена в индейскую школу-интернат.

По счастливой случайности им встречается чета Стейнбах. Заручившись их поддержкой, Рубен и Леви решают отправиться через бескрайние равнины к каменоломням Миннесоты, чтобы добыть камень для новой священной трубки своего прадеда. Ведь та любимая трубка, которую Одинокие Псы передавали из поколения в поколение, была безжалостно разбита тем самым агентом, преследующим их.

Впереди у мальчиков большое путешествие — тревожное, опасное. Но в то же время оно позволит им многое увидеть и многое понять, в том числе как земля формирует людей, которые живут, любят, мечтают и умирают на ней.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-28690-0

Copyright © 2025 by Kent Nerburn

Original English language publication 2025

by New World Library, California, USA

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри®

Часть 1

БЕГЛЕЦЫ

*Южная Дакота
Июль 1950 г.*

ТОСКЛИВЫЙ ГУДОК В НОЧИ

Леви

- Сядь же ты, Рубен.
- Мне страшно.
- Сядь, говорю. Деда сказал, чтоб ты меня слушался.
- Деда умер.
- Откуда тебе знать?
- Я знаю.
- Нет, не знаешь. Просто сядь, и все.

Схватив брата за руку, я с силой потянул его вниз. Терпеть не могу так делать. Но иначе он не понимает. И вообще не хочет понимать. Да и не способен. Но при этом всегда ужасно упрямится. Мне кажется, люди, у кого с мозгами не в порядке, потому отроду строптивые, что так они не натворят ничего, что приведет их к беде. Вечно не хотят делать, что им говорят. Как вот сейчас Рубен — не хочет сесть, когда поезд поворачивает.

- Ты можешь выпасть.
- Я — не выпаду.
- Откуда тебе знать?
- Знаю. Не выпаду.

Лицо у него недовольно сморщенное, волосы во все стороны торчат, как у поркупина¹. Я протянул руку, чтобы хоть как-то их пригладить.

— Знаешь, что? Дедушка сказал, чтобы ты меня слушался. И мама тоже. А я сейчас велю тебе сесть.

— Дедушка умер, и я не должен никого слушаться.

— Ничего он не умер. Ты вечно так говоришь, когда кого-то не видишь рядом. Мама велела нам бежать. И сказала, чтобы я за тобой присматривал.

Он повернулся ко мне спиной и усталился в темноту.

* * *

Нам повезло, что мы смогли залезть на поезд. В какой-то момент я уж думал, сейчас откинем копыта. Прежде я видел, как запрыгивают в вагон ребята постарше. Просто бегут вдоль состава, точно собаки на охоте — совершенно вроде бы расслабившись, пока не наберут ту же скорость, что и поезд, — и вот тогда вдруг хватаются за лесенку сбоку товарного вагона и резко подтягиваются, будто вскакивают на лошадь. Но они-то старше и могут забираться в седло аж выше своей головы и кидать камни так далеко, что и не видно, где те упадут. Мы же с Рубеном еще до этого не доросли: мне всего одиннадцать, а брату и вовсе шесть. К тому же у Рубена с головой не так, как у всех, и он никогда не делает то, что ему сказано. И все же нам понадобилось уехать. Податься в бега. Так велела мама.

— Просто садитесь на поезд и уезжайте, — сказала она. — Иначе они придут и заберут Рубена, как забрали

¹ *Поркупин* (также *иглошерст*) — североамериканский динокобраз. Распространен в лесных районах Северной Америки от Аляски до Северной Мексики.

дедушку. Так что немедленно бегите к железке и постарайтесь попасть на поезд. Заставь Рубена делать то, что ты скажешь. Не дай ему сбежать и не допусти, чтобы с ним что-нибудь случилось. Это говорю тебе я. А ты должен слушаться матери.

— Я-то слушаюсь, мам. Вот только Рубен не станет.

— Заставь его. Скажи, я так велела. Скажи, что дедушка тоже наказал тебя слушаться.

Поезд грохотал ужасно громко. Мне приходилось кричать, чтобы брат меня услышал.

— Рубен, мне так мама велела. Она сказала, чтобы я заставил тебя слушаться и делать то, что я скажу.

Он сидел скрючившись, обхватив руками колени.

— Не надо было меня толкать.

— Мне пришлось, Рубен. Двери оказались слишком высоко.

— Да, но мне было больно.

В поезде все вокруг страшно скрежетало, гремело и сотрясалось.

— Я вообще едва сумел забраться. Сам же видел. Я висел, зацепившись, а поезд набирал ход. Я бы мог свалиться под колеса. И мне бы отрезало ноги. Что б ты тогда делал?

— Мне было больно, когда ты меня толкнул. Ты не должен был меня толкать.

На этом он закрыл руками уши, потом вообще натянул куртку на голову.

В вагоне было темно. Пахло будто залежалым зерном — одновременно сладко и тошнотно. Колеса непрерывно грохотали, а когда поезд поворачивал, раздавался визг и скрежет. И другой конец вагона не просматривался.

Я наклонился к самому уху Рубена:

— Как по-твоему, там никого нет в другом конце вагона?

— Никого, — буркнул Рубен.

— Уверен? Мне будто слышался какой-то звук.

— Там никого нет. Точно говорю.

От его уверенности мне стало спокойнее. Такие вещи Рубен всегда хорошо чувствует. Он может зайти куда-то в комнату и сразу понять, что там находится. Или посмотреть на какую-нибудь кипу или стопку и с ходу определить, сколько там чего. Бывало, он вообще ничего не говорил, даже когда к нему обращались, а на следующий день в точности воспроизводил, кто и что сказал. Прямо будто эхом повторял.

— Как ты все это запомнил? — удивлялся я.

— Что?

— Ну, то, что вчера тут люди говорили.

— Нет, я ничего не запоминал.

— Но ведь запомнил!

Иногда он так меня этим бесил, что подмывало стукнуть. Но я никогда этого не делал. Только хотел.

* * *

Куда направлялся поезд, я вообще не представлял. Мне, наверное, следовало бы переживать из-за того, что нам пришлось бежать из дома и что мы даже не знаем, куда едем. Но мне было уж слишком страшно. К тому же, когда рядом Рубен, он вытесняет все прочее из головы. Постоянно приходится думать о нем и о том, что он собирается сделать и как его от этого удержать. Или убедиться, что он сделал именно то, что надо. С ним как с малым дитём. Или с упрямым осликом.

Я так разозлился на него — ведь он ни за что не желал садиться и ему было плевать, если мне поездом отрежет ноги, — что совершенно забыл про страх. Вот потому-то я порой и рад, что Рубен рядом. Кругом слишком много чего надо бояться, а Рубен заполняет в голове все уголки,

где мог бы запрятаться страх. К тому же, как я рассудил, Создатель не допустит, чтобы такому, как он, причинили зло, а значит, если я буду держаться к нему поближе, то и со мной все будет в порядке. Так что Рубен был для меня чем-то вроде талисмана. Но все равно ужасно меня бесил.

Так проехали мы много, много часов, когда наконец поезд стал замедлять ход. Я высунул голову из открытого проема. Впереди виднелись огни какого-то города — точно светлячки, сбившиеся в стайку в темноте. Мне было и радостно это видеть, и печально: почти что каждый такой огонек означал собравшуюся за ужином семью, в которой разговаривали и смеялись. И это заставляло меня вспомнить о маме и бабушке.

Тут поезд издал пронзительный гудок — мощный и протяжный, полный одиночества. Аж четыре раза. *Ту-у-у! Ту-у-у-у! Ту-у! Ту-у-у-у-у-у!* Иногда кажется, что машинист напоследок нарочно тянет за рукоять подольше, выпуская этот тоскливый гудок в ночи.

Мне подумалось, каково это — оказаться внутри тех самых светящихся теплых домов и слышать этот звук из уютной постели. Кого-то при этом наверняка потянет в дорогу — захочется сесть на такой вот точно поезд и уехать куда-нибудь, где еще ни разу не был. А кто-то, может быть, просто почувствует себя очень счастливо и радостно в своей кровати. И от этого мне сделалось еще грустнее. С расстояния все это выглядело совершенно иначе.

Поезд между тем заметно сбавил скорость.

— Давай-ка, Рубен, вставай!

Брат свернулся на полу калачиком.

— Самое время соскочить. Наверняка здесь добрые люди. К детям всегда относятся хорошо. Даже белые.

— Оставь меня в покое, — пробурчал он. — Я сплю.

— Ты всегда так говоришь. Но я знаю, что это вранье.

— Нет, не вранье. Я правда сплю.

— Как ты вообще можешь спать, когда вагоны так качает?

— Это напоминает, как меня качала мама. Отстань.

Рубен поближе подтянул к груди колени и еще плотнее закрыл голову курткой. Мне даже показалось, что он плачет.

— Ну, пошли же, — продолжил уговаривать я. — Сможем раздобыть себе еды.

Я уже хотел поднять его и потащить насильно, но тут состав дернулся, и я свалился с ног. Поезд стал быстро набирать ход, и городок поплыл мимо. Послышался знакомый гудок. *Ту-у-у-у! Ту-у-у-у! Ту-у! Ту-у-у-у-у-у!* И вскоре город превратился в скопление огоньков, исчезающих в темной дали.

Я сел, прислонившись спиной к стене. Подумал про те оставшиеся позади дома. Как бы я хотел сейчас быть дома!

НОЧЬЮ ВСЕГО БОИШЬСЯ

Леви

Когда ты в пути, то утро — это благо. Ночью всего подряд боишься. А днем хотя бы знаешь, чего именно.

Я люблю наблюдать, как восходит солнце. Сразу появляется множество звуков, и все вокруг меняется. Дедушка называет это «утренний хор». Когда все кругом полно радости и только начинает оживать.

Я обычно сажусь рядом с бабушкой и смотрю с ним на восход. Деда приходит к нам в комнату — тихо-тихо — и трогает меня за плечо. Иногда я уже лежу проснувшись, но делаю вид, будто еще сплю. Мне так приятно слышать его приближающиеся шаги и чувствовать мягкое прикосновение к плечу. Такое легкое и осторожное.

А потом мы вместе, ни слова друг другу не говоря, выходим из дома. Он делает мне знак не шуметь, прикладывая палец ко рту, а потом указывает на небо. Мы просто с ним сидим, наблюдаем, слушаем. Смотрим, как темное небо делается фиолетовым, лиловым, затем розовым, все светлее и ярче. Слушаем, как затевают песни птицы, как шебуршат и похрустывают где-то зверьки.

Все это я и представил разом, когда открыл глаза. В двери вагона пробивался свет.

Поезд стоял. Не знаю, почему его остановили. Я слышал, как где-то впереди тарахтит локомотив. Я выглянул наружу. Была та пора, когда небо на востоке еще лилово-красное и уже становится розовым. Вокруг не было ничего, одни холмы.

— Вставай, Рубен, — позвал я. — Поезд остановился. Давай вылезать.

Брат что-то проворчал. Спит он всегда очень крепко. Его не разбудишь, всего лишь тронув за плечо. К тому же он еще и злится, когда кто-то пытается его будить.

— Ну, давай же!

Послышалось, как вдоль поезда идут мужчины. Они стучали чем-то то ли по колесам, то ли по бокам вагонов. Судя по их голосам, они никого не разыскивали: много посмеивались и разговаривали спокойно, не торопясь и не приглушая голоса.

Я оттащил Рубена со света вглубь. Он издал при этом недовольные звуки, но не слишком громко.

— Тише ты! — шикнул я. — Там люди, возле вагона.

Он что-то буркнул себе под нос и снова заснул. Я знал, что он будет вести себя тихо.

Смеясь и переговариваясь, мужчины прошли мимо. Должно быть, что-то проверяли. Я подкрался к самой двери посмотреть, куда они направляются. Небо над холмами становилось ярко-голубым. Похоже, ожидался жаркий день.

— Вставай, Рубен, — снова сказал я. — Надо отсюда выбираться.

Брат снова что-то пробурчал. Иногда он был похож на маленького медвежонка. Я схватил его за руку, как это делала мама. Я решил, что раз она так делала, то и мне это можно. «Тебе придется стать для него и отцом, и матерью одновременно», — сказала она.

Я поднял брата на ноги.

— Мы сейчас отсюда вылезем, — стал объяснять я, — и очень быстро побежим. Там, снаружи, ходят железнодорожники, но они уже старые и далеко за нами не погонятся. А мы рванем напрямик к холмам.

— Дай мне поспать, — проворчал он.

Но я с силой потянул его за руку:

— Сейчас нам надо бежать. А поспать можешь и попозже. Нам нужно найти еду.

— Я хочу есть, — кивнул Рубен.

Порой бывает так просто переключить его мозги!

* * *

Мы сиганули из вагона, свалились на насыпь и скатились с холма, по которому пролегали рельсы. Железнодорожники нас даже не заметили. Рубен слегка обцарапал коленку, а я рассадил основание ладони. Так что все вышло не так и плохо.

Далеко внизу, на дне оврага, через который был перекинут мост, бежала речушка. Мост был старый, деревянный, сооруженный из густо просмоленных бревен. Запах от них разносился прям очень терпкий. Видимо, из-за него-то и вышла остановка. Сам поезд частично уже въехал на мост.

Мы сбежали вниз, к речке. Она оказалась совсем небольшой — глубиной с лужицу. Пожалуй, мост был

проложен скорее для преодоления оврага, нежели через речку.

Мы вволю напились воды. Вкус у нее был замечательным. Я нашел валявшуюся рядом старую бутылку, наполнил доверху и заткнул горлышко, оторвав кусок рубашки. Ничего другого я просто не придумал.

Поезд тронулся дальше. Двигался он еле-еле. Мост под ним поскрипывал. Я даже подумал, что, может, нам стоило бы вернуться обратно. Однако, одолев мост, поезд начал набирать ход и вскоре поехал уже слишком быстро. Еще немного, и он пропал из виду. И вокруг ничего больше не осталось, кроме холмов. Даже простой дороги.

Рубен принялся ловить бабочек, гоняясь за ними по берегу речушки. Их там оказалось множество. Они летали дружной стайкой, точно белые ленточки.

Дедушка учил нас, что ловить бабочек полезно, поскольку это делает тебя проворным. Он рассказывал, что видел однажды, как бабочки залетели в рот одному человеку, и потом тот человек стал сочинять музыку. Рубен пристрастился ловить их открытым ртом. Он говорит, что тоже хочет творить музыку. Он всегда делает то, что скажет деда. Дедушка вообще единственный, кого Рубен действительно слушается.

Я очень тосковал по дедушке — даже больше, чем по маме. С мамой я смог хотя бы попрощаться, и она сама заставила нас бежать. А что касается дедушки — то его просто забрали. И небось до сих пор он находился невесть где.

Мне вспомнилось, как те дядьки пришли за ним. Он гордо так вскинул голову и встал. Дедушка ни за что бы им не позволил к себе прикоснуться. Сам прошагал к их машине, ни на кого не глядя — даже на нас с Рубеном. Просто прошел к машине и туда сел.

Рубен вернулся ко мне и плюхнулся на землю. Он отдувался после бега. Откуда-то издалека донесся гудок

локомотива. И единственными звуками вокруг остались лишь легкий шепот ветра да еле слышное журчание воды.

— Ты думаешь когда-нибудь про деду? — спросил я.

— Я вижу дедушку, — указал Рубен на бабочек.

Порой то, что он говорил, казалось полным вздором — и в то же время имело большой смысл.

— Я скучаю по дедушке, — признался я.

Рубен положил мне голову на плечо.

— Я б хотел, чтобы мне в рот залетела бабочка.

— Есть хочешь? — спросил я.

Рубен щелкнул челюстями и тут же расплылся в потешной улыбке, показав оба ряда зубов. От этого мне на душе стало теплее. Точно так же Рубен улыбался маме.

Я зашарил в сумке. Мне не хотелось, чтобы брат видел, что там уже почти пусто. Он всегда крепко держал в голове подобные вещи: что пустое, а что полное, и вообще, где сколько чего.

— У меня есть хлеб, — предложил я.

— А сколько?

— Хватает. А еще есть *wasná*¹.

Я знал, что Рубен любит *wasná*.

— Красная еда мне нравится, — сказал он.

В этом *wasná* оказалось очень много ягод. А еще это было последнее из того, что мне дала в дорогу мать.

Так мы сидели и ели, пока солнце не стало припекать. Тогда мы разделись и улеглись в прохладную воду. Бабочки продолжали порхать вокруг нас.

— А куда они деваются ночью? — спросил Рубен.

¹ Пеммикан на языке индейцев лакота. Изобретенный североамериканскими индейцами, сублимированный, готовый к употреблению продукт из вяленого или сушеного измельченного мяса с добавлением сала, измельченных сушеных ягод и специй.

— Не знаю. А вот куда мы устроимся на ночь? Наверно, куда получится.

— Я б хотел туда же, куда и бабочки.

— Почему? — спросил я.

— Тогда мне не было бы страшно.

Я протянул к нему руку, накрыл его ладонь.

— Лучше бы нам уже топтать дальше, — сказал я. Мне не хотелось, чтобы Рубен чего-то боялся. Хватит того, что я сам боялся за нас двоих.

Одевшись, мы зашагали вперед к холмам. Солнце было уже у нас за спиной. Его невозможно было видеть, но оно, ярко светя, оказывалось повсюду. И казалось, оно злующее — точно огонь. Я уже начал весь потеть.

— Мне это не нравится, — сказал Рубен.

— Что именно?

— То, что мы здесь. Тут слишком много солнца.

— Ночевать сегодня будем в нормальном доме, — пообещал я.

— Откуда тебе знать?

— Просто знаю.

Брат себе под нос обозвал меня вруном, но я сделал вид, что не услышал. Теперь я, по крайней мере, знал цель нашего пути.

Мы шли на поиски какого-нибудь дома для ночлега.

СОВСЕМ ДРУГОЙ ДОМ

Леви

Идти по холмам оказалось тяжело. Рубен и так-то не ходит быстро, а когда злится — то вообще останавливается. Поэтому мне все время требовалось отвлекать его от злости. Я принялся петь песенки, которые он любил:

и ритуальные песни *pay-wau*¹, и разные школьные песенки, а также те, которым меня научили в церкви тамошние сестры.

Рубену нравится, когда я пою. У него у самого прекрасный голос. Он умеет петь и на индейский манер, горлом, и как белые — когда звук исходит из груди. Когда брат поет, то люди останавливаются его послушать. А иной раз, когда мы где-нибудь бываем и я вдруг начинаю петь — он меня слушает. А потом сам подхватывает — и тогда уже я умолкаю. Едва услышав от меня какую-то песню, Рубен вмиг запоминает все слова, даже если никогда прежде этой песни не слышал. И все вокруг прямо ушам не верят, что он так способен петь!

Так вот мы с ним шли и шли, и я пытался подстроить песни в такт нашим шагам. Довольно скоро Рубен начал подпевать. Тогда я стал петь все тише и тише, пока не остался только его голос. Глаза у брата были закрыты, даже несмотря на то, что он шел. Когда Рубен поет, для него больше ничего вокруг не существует.

Мы двигались так целый день: Рубен пел, а я переживал о том, что мы будем есть и где остановимся на ночлег. Солнце припекало, как костер. Даже казалось, что сейчас мне станет плохо. В какой-то момент меня слегка стошнило, но Рубен этого не видел. Он продолжал петь. Вообще не представляю, как он мог так идти с закрытыми глазами!

Пообедать мы устроились в глубоком овраге. Я боялся, что там будут змеи, но мы так ни одной и не увидели. Мы опять поели *wasná* и немного хлеба. По дну оврага тек ручеек, но воды в нем почти уже не было, да

¹ *Pay-wau* — межплеменной праздник у североамериканских индейцев, на котором принято петь и танцевать. Фестивали *pay-wau* проводятся ежегодно и поныне.

и на вкус она была отвратной. Потому мы попили той, что я запас в бутылке. На ужин оставались тоже хлеб и *wasná*. Я не люблю все время есть одно и то же, но это все, что у нас было.

Насчет ночевки под крышей я оказался прав. Мы шли по холмам, пока наши тени не вытянулись длиннее. И наконец я увидел вдали дом — серый, полуразваленный, покосившийся набок. Как будто его наполовину сдуло ветром. Стекол в окнах не было. Похоже, что там уже давно никто не жил.

Я указал на него рукой, заставив Рубена открыть глаза и туда взглянуть. Тот все продолжал петь.

— Вон, видишь? Я ж говорил, будем ночевать в доме.

Брат скорчил недовольную мину.

— Я не хочу в этот дом.

— Но это единственный, что мы смогли найти.

— Я хочу совсем другой дом, — сказал Рубен. — Такой, где живут люди, а не призраки.

— Да нет там никаких призраков, — возразил я.

Мне не нравилось, когда Рубен заговаривал о призраках. Это байки белых людей, и меня они всегда пугали. Дедушка постоянно говорил о духах — но они были чем-то вроде хороших воспоминаний о людях, которые умерли и остаются рядом, чтобы за нами присматривать и нам помогать. Но призрак — совсем другое. Это то, что пугает и причиняет зло. Призраки — это представления белых людей, потому что белые люди считают, будто бы смерть — конец всему и будто бы есть некий бог, который только и ждет, чтобы сделать тебе что-то плохое, если ты ему не угодил. Так меня, во всяком случае, учили в школе. А деда говорил, чтобы я их не слушал. Он уверял, что смерть — всего лишь переход в другое место. И что духи, которых мы там встречаем, — это друзья, а никакие не призраки.

В конечном счете мне удалось уговорить Рубена зайти в дом. Там было грязно и плохо пахло. Я расчистил на полу местечко, разложил наши куртки вроде ложа.

— Вот, укладывайся со мной рядом, — сказал я брату.

Снаружи подул сильный ветер. Тот, что носит целые тучи пыли.

— Мне здесь не нравится, — пробурчал Рубен.

— Мне тоже не нравится, — отозвался я.

Слышно было, как ветер воет и постанывает. В пустые окна и щели дома задувалась пыль.

Рубен свернулся рядом со мной на куртке, уткнувшись лицом мне в грудь.

Я обхватил его руками — так, как всегда делала мама. Мне приятно было, когда брат позволял себя обнять. Мне очень хотелось, чтобы меня тоже кто-то так же обнял, но я не стал говорить об этом Рубену. Я старался быть для него и мамой, и отцом одновременно.

Так мы и уснули с ним, свернувшись рядышком на куртках. Но я то и дело просыпался. За стеной не умолкая дул ветер, доносились непонятные звуки. Но Рубен лишь шумно дышал во сне. Хотел бы я спать так же крепко!

В ту ночь меня посетило множество забавных мыслей, которые явились почти как сон. Иногда, в очень поздний час, бывает трудно отличить мысли от снов — особенно когда ты сам не уверен, спишь ты или бодрствуешь. Я всю ночь видел дедушку. Так, будто он рядом со мной.

Я пролежал так до утра. С закрытыми глазами. Время тянулось ужасно долго.

Когда забрезжил рассвет, мне почудилось, что дед тронул меня за плечо. Но когда я открыл глаза, его рядом не оказалось. Тогда я вновь закрыл глаза и тихонько заплакал.

Быть может, Рубен ошибся насчет призраков. Может, он просто почувствовал здесь дух дедушки?

* * *

Утро не принесло ничего хорошего. Меня начало подташнивать от пустоты в животе. Ужасно хотелось есть. Но еще сильнее я желал накормить Рубена. Теперь я начал понимать, каково это — быть совсем взрослым. Ты должен беспокоиться за всех, а не только за себя, — и так, чтобы никто об этом не узнал.

Сквозь щели между досками просачивался дневной свет. Я огляделся по сторонам. Повсюду в комнате валялись книги, разные бумаги, а также несколько разбитых тарелок и ложки. Все это было грязное, порченное, сплошь покрытое пылью. Я гадал, почему здесь все это лежит? Почему люди, уезжая, не забрали все это с собой? Складывалось впечатление, будто здесь случилось что-то нехорошее, и хозяева просто однажды поднялись и ушли, все побросав.

Мне эта догадка пришлась не по душе, как не нравились и прочие мои мысли. Все они крутились вокруг того, что я голоден и что мне страшно, и того, что нам делать дальше. И я начал разговаривать с дедушкой. Тихо-тихо, буквально себе под нос, так чтобы Рубен не проснулся.

Я решил, что если моего плеча действительно коснулся дедушкин дух, то деда мне обязательно ответит.

— Дедушка, мне ужасно страшно, — шепотом сказал я. — Я совсем не знаю, что делать. Мама просто сказала, чтоб мы сбежали. Она велела нам держаться подальше от тетюшек, потому что полицейские будут нас там искать. Она опасается, что они заберут Рубена так же, как забрали тебя.

Я подошел к окну, поглядел на бесконечные пустынные холмы. Небо было затянуто пылью.

Больше всего на свете мне хотелось сейчас увидеть деду.

— Где ты, дедушка? Почему они тебя забрали? Ты ведь никому не причинил вреда. Ты разговаривал всегда так тихо, даже когда сердился. И все до единого тебя слушались. К тебе приходили, когда у кого-то случалась беда. Ты знаешь все старые обычаи. И умеешь исцелять людей. Я хочу быть таким же, как ты, деда. Хочу так же все знать про птиц и зверей. Я хочу помогать людям. Хочу, как ты, делать их счастливыми.

На душе у меня становилось все тоскливее. Я не хотел, чтобы дедушка видел, как я плачу, пусть даже он всего лишь дух.

Тут я почувствовал, что позади меня кто-то стоит.

Я обернулся. Там оказался Рубен.

— Я хочу увидеть дедушку, — сказал он.

СКУЧАЯ ПО ДЕДУШКЕ

Леви

Следовало бы, пожалуй, поведать вам о дедушке, чтобы стало понятно, почему мне его так не хватает.

Наш дедушка уже очень старый. На самом деле, он даже не наш дедушка — он мамин дедушка. Но мы все зовем его дедушкой. У нас все его так зовут. И ему это нравится.

Дедушка говорил, что когда-то он прямо очень хорошо играл в бейсбол, но однажды сильно покалечился, упав с лошади, и потому перестал играть. Теперь он ходит хромая, весь скрюченный и припадает при каждом шаге.

Когда-то он был членом бейсбольной команды и теперь много об этом вспоминает. Он даже пытался играть со мной и Рубеном в мяч, но поскольку видел очень

плохо, мяч все время пролетал мимо него, и нам по очереди приходилось за ним бегать.

Дедушка всегда улыбается и любит посмеяться — но тихо-тихо, украдкой, так что почти никто и не слышит.

Дедушка не слишком велик ростом — ненамного выше меня. Но когда он заходит в комнату, то кажется, он всю ее заполняет.

Пальцы у него не разгибаются. И когда он тянется что-либо взять, то рука напоминает когтистую птичью лапу.

Маме приходится помогать ему убирать волосы. Дедушка не любит, когда они свисают по плечам, но и не желает стричь. Он говорит, что волосы ему дал сам Великий Дух и он, дескать, не хочет оскорбить Создателя тем, что их отрежет.

Как-то раз я спросил, почему тогда мне волосы стригут.

— Я уже старый, — объяснил дедушка. — Да и от тебя Создатель ждет совсем другого.

От этих слов мне стало легче, поскольку в интернате¹ меня заставляли стричься. Когда я первый раз там оказался, меня остригли прямо очень коротко, намыли керосином и еще намазали каким-то дегтем, от которого жуть как щипало. Так что теперь я всегда хожу стриженным. Не почти начисто остриженным — а просто с короткими волосами, так что, помыв голову, могу просто отряхнуться.

У Рубена тоже короткая стрижка, но волосы у него непослушные и вечно во все стороны торчком. Другие дети прозвали его *p̄hahín* — «поркупенком». Мне б не хотелось, чтобы Рубена в интернате побрили чуть ли не наголо.

¹ Речь о школах-интернатах для представителей коренных народов Америки. Такие заведения основывались в Северной Америке и Канаде с конца XIX века с целью насильственного приобщения детей индейцев к образу жизни белых американцев.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

НЕРБЕРН Кент ДОРОГА ОДИНОКОГО ПСА

Ответственный редактор *М. Смылова*
Литературный редактор *Д. Судавная*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *Л. Сеницына*
Корректоры *Н. Быкова, О. Левина*
Верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использованы иллюстрации и фотографии:

@ Tamim 99Graphics / shutterstock.com

@ Buch and Bee / shutterstock.com

@ ZiaMary / shutterstock.com

@ Dmytro Buianskyi / shutterstock.com

@ Elena Eskevich / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.11.2025.

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,08.

Тираж 2500 экз. Т-IZP-37802-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

